

*Огонь души, смейся, пляши!
Смерть под окном, не пускай её в дом.
Пылай, гори, птицей лети,
Ведь две жизни у Ворона, как ни крути!*

Группа «Чай с Вербеной»

1

СВОБОДНЫЙ ВОЛК В СЕРЕБРЯНОМ ОШЕЙНИКЕ

Атли лежал на холодному полу тронного зала Царских Палат, прикованный серебряными кандалами к пустующему трону. Обнажённое, измученное тело покрылось мурашками. Серебро жгло запястья и шею. А ещё безумно болела левая сторона лица, спрятанная под повязками.

Атли перевернулся на спину, перевёл взгляд на огромную клетку, стоящую с другой стороны от трона. В ней беспокойно ходил из стороны в сторону медведь. Царевич Дарен. Прутья клетки, когда он к ним приближался, вспыхивали, покрытые тлеющими рунами.

Они так и не смогли выбраться из города в ту ночь. Обезумевший от пробуждения после долгой спячки медведь и израненный им Атли стали лёгкой добычей для чернокнижников. Каким-то чудом им удалось прорваться ко второй стене Даргорода, а дальше — всё как в тумане. Атли очнулся уже здесь, совершенно голый и прикованный к трону нового правителя.

Зал был практически таким же, как раньше, только исчезли полотна с изображениями мед-

8 ведей — символами царского рода. На их месте, за тронем, развернулся чёрный гобелен с вязью красных рун. Руны были сплетены так плотно и замысловато, что никак не получалось угадать их общее значение. Часами лёжа на полу, Атли разглядывал вязь, силясь понять написанное, но раз за разом ответ ускользал от него, будто сами руны не хотели, чтобы их читали те, для чьих глаз они не были предназначены. А возможно, это измученное голодом, болью и издевательствами сознание Атли играло с ним, размывая и без того хаотично блуждающие мысли.

Двери заскрипели, отворяясь, и в зал вошла девушка с лоханью воды и жгучей, дурно пахнущей мазью, лежащей в одном из карманов передника. Волк внутри Атли почувал её ещё за дверью, зарычал и прикрыл морду лапами. Чернокнижница по имени Сорока приходила дважды в день, утром и вечером, чтобы обработать рану, и хранила молчание, что бы Атли у неё ни спрашивал.

Сорока поставила лохань на пол и, нахмутив густые чёрные брови, пнула Атли по ноге. Несильно, просто привлекая к себе его внимание. Атли с трудом пошевелился — сломанные медведем рёбра срастались медленно из-за серебра, пленившего Волка, и напоминали о себе при любом движении. Атли медленно сел, скрестив ноги и прикрываясь ладонями, хотя его нагота мало интересовала Сороку.

Она подобрала юбки и опустилась на корточки. Один глаз её был карий, почти чёрный, а второй — белый, слепой, он привлекал внимание к огромному розовому шраму, явному последствию сильного ожога. Шрам охватывал всю правую сторону лица, спускался на шею и прятался под белой вышиванкой. Левая сторона лица сохранила красивые, правильные черты и даже иногда улыбалась Атли.

Сорока стянула с лица Атли пропитанные сукровицей и мазью повязки, вытащила из передника чистую ткань и опустила обожённые руки в лохань с чистой водой. Атли аккуратно приоткрыл левый глаз, уже по привычке проверяя, сохранил ли тот способность видеть. К счастью, пока да.

— Если ты снимешь с меня серебряные побрякушки, всё мигом заживёт и больше не придётся тратить время и возиться с повязками, — бросил Атли почти шутливо.

Сорока не ответила, хмуро рассматривая рану.

— Всё не так уж плохо, а? — снова попытался Атли. — Как считаешь, останется шрам?

Вместо ответа Сорока приложила мокрую тряпицу к ране, Атли зашипел от боли и отпрянул, но чернокнижница ловко ухватила за цепь, что крепилась к его ошейнику, и грубо дёрнула на себя. Серебро впилось в кожу, обжигая и заставляя Атли подчиниться.

— Знаешь, я всегда питал слабость к сильным женщинам, — выдавил Атли, морщась, но позволяя Сороке промыть рану. — То есть чувствовал себя рядом с ними слабым и ничтожным. Моя учительница по фехтованию — двухметровая оборотниха — каждый день заставляла меня эту слабость ощущать. Пусть мне было пять, а ей семьдесят — лупила она меня деревянным мечом, как равного. Кто знает, может, поэтому я в итоге выбрал мужчин.

Тонкие губы Сороки тронула тень улыбки. Она выудила из кармана баночку с мазью, и Атли прикрыл глаза, приготовившись к тому, что сейчас рану будет печь. В нос ударил запах полыни и аконита. Волк поджал хвост и заскулил.

— Где ты научилась врачевать? — спросил Атли, пока Сорока накладывала чистую повязку. — У тебя очень искусно выходит. Твоя мать научила?

10 Руки Сороки дрогнули, и Атли с досадой понял, что оплошал.

— Мою мать убили твои люди, — сухо сказала Сорока, взглянув на Атли исподлобья.

— Прости, я... — Атли замялся, чувствуя, как мгновенно обрушились хрупкие мостки, которые он день за днём пытался выстроить между ними шутками и улыбками.

Сорока бросила грязные повязки в лохань, встала и спешно покинула зал, даже не оглянувшись. Атли выругался себе под нос и запустил пальцы в спутанные волосы. Что ж, придётся начинать сначала. Он надеялся, что, если сумеет отыскать ключик к Сороке, она рано или поздно заметит в нём человека, а не врага, и поможет сбежать. Главное, чтобы не стало слишком поздно.

Что это за «слишком поздно», Атли не знал. Чернокнижники явно не собирались его убивать в ближайшее время, решив вдоволь поиздеваться. Да и хватит ли у них смелости на его убийство? Возможно, его жизнь, находящаяся в их руках, — единственное, что удерживает армию Вегейра от вторжения в Вольское Царство и мести за смерть наследника. А к полномасштабному сражению с армией Северных Земель чернокнижники вряд ли были готовы. По крайней мере, Атли надеялся, что не ошибается.

Двери зала снова распахнулись, пропуская высокую фигуру в алом плаще — Зоран. Белая рубаха распахнута, открывая широкую, покрытую тёмными волосами грудь и золотую татуировку — руну Чернобога. Атли скрипнул зубами, демонстративно отворачиваясь, но продолжая боковым зрением внимательно следить за каждым его движением.

Зоран в сопровождении чернокнижников широкими шагами пересёк зал и опустился на трон, не обратив никакого внимания на Атли. Чернокнижники остались стоять, кутаясь в тёмные плащи. Двух

из них Атли запомнил — Огняна и Завид. Остальные называли их Первыми и, как и к самому Зорану, относились с почтением. Ещё пятеро чернокнижников остались стоять поодаль, прячась в тенях. Их тела были испещрены вырезанными прямо по живому рунами, которые удерживали под кожей смертоносные Тени. Носители, священные сосуды, способные контролировать Тени, они следовали за Зораном повсюду — живой щит, способный уничтожить любого, кто рискнёт приблизиться к их повелителю.

— Завтра к полудню всё будет готово для казни, — сказал Завид, лысый чернокнижник с белой козлиной бородкой.

— Что с беглецами? — спросил Зоран, поглаживая бороду — густую и чёрную, как и его кудри.

— Мы поймали ещё двоих членов Совета Чароде-ев, — ответила Огняна. Красивая, с длинной русой косой и ясными голубыми глазами. — Я велела и их подготовить к казни. Ещё четверых пока не нашли, но вряд ли они станут угрозой...

— Мне плевать на угрозу, — оборвал её Зоран. — Все члены Совета должны быть публично казнены. За то, что сделали. Мы кровью платили за их ошибки — пришло время им держать ответ. Делай что хочешь, хоть из-под земли их достань.

Огняна склонила голову:

— Поняла тебя, Зоран.

— После казни устроим пир. Еду и мёд получают все желающие, — Зоран коснулся татуировки на груди. — Люди должны понимать, что зла мы им не желаем, и если они готовы подчиниться, разделить с нами пищу и принять нашу власть, то никто больше не пострадает. А позже, когда всё немного успокоится, мы понесём им слово Чернобога, и они примут его, потому что его рукой будут накормлены и согреты. Сейчас ни к чему тревожить народ волей его. Это понятно?

Чернокнижники закивали, почтительно склонившись. Зоран обвёл их взглядом:

— Но если кто-то открыто и громко будет оскорблять Чернобога или отрекаться от него, действуйте без сожалений и карайте подобные выходки смертью. Ко мне на суд не ведите, разбирайтесь сами — голову рубить, вешать или ещё что. Наказание должно быть публичным, в назидание остальным заблудшим. К слову, что с князьями за пределами Даргородского княжества?

— Пока всё тихо, — ответил Завид. — Не похоже, чтобы они собирали войска. Наши соглядатаи говорят, что князья растеряны, но никаких активных действий пока не предпринимают. Возможно, ждут, когда ситуация прояснится.

Зоран закивал, продолжая гладить бороду. Глубоко посаженные чёрные глаза его блестели.

— Отправь им послов с щедрыми дарами и выгодным предложением. Нужно убедить их, что для них ничего не поменяется. Пока что... А что слышать из Северных Земель?

— Ничего, повелитель. Тихо. Король Вегейр не выходил с нами на связь. — Завид бросил быстрый взгляд на Атли, будто бы сам удивляясь своим словам.

— Ты сказал ему, что его наследник у нас в заложниках? — обеспокоенно спросила Огняна.

— Конечно! Но он ничего не ответил на послание, — ступешался Завид.

Зоран усмехнулся и перевёл взгляд на Атли:

— Вот как. Значит, пёс останется со мной надолго. — Он протянул гигантскую лапищу: — Иди сюда, гвардейское отродье.

Атли попытался отстраниться, но пальцы Зорана успели ухватить его за волосы и подтащить к себе. Рёбра взорвались болью, заставляющей задохнуться, но Атли крепко сжал челюсти, чтобы не выпу-

стить на волю стон. Медведь в клетке беспокойно заворчал, но никто не обратил на него внимания. 13

— Я надеялся, что папаша захочет тебя выкупить, но, похоже, ему на тебя плевать, принц Северных Земель. Слышал, что оборотни, попавшие в плен, считаются для своих не лучше подзаборных шавок. Кто же знал, что это вовсе не байки. Значит ли это, что и пользоваться тобой мы можем, как пожелаем?

— Иди... в жопу, — процедил Атли, пытаясь отвернуться, но рука Зорана держала крепко, грозя вот-вот вырвать клочок волос.

Зоран вскинул брови, расхохотался и швырнул Атли себе под ноги. Цепи зазвенели, присоединяясь к оглушительному звону в ушах от боли в рёбрах. Перед глазами закружились мушки.

— Ты страдаешься за всю свою гнилую гвардейскую братию, псина! — рявкнул Зоран. — За все пятьдесят лет, что страдали мы. Испытаешь все унижения, которые щедро отсыпал нам. Благо вы, северные шавки, живёте долго.

Атли хотел снова послать его куда подальше, но никак не мог восстановить дыхание, ему казалось, что рёбра переломились заново — такой острой была боль, — а каждый вдох делал её ещё хуже. Он уткнулся лбом в пол, стараясь не думать о том, как жалко, наверно, выглядит со стороны: голый, грязный, распластавшийся у ног своего пленителя. Только Волк внутри уверенно стоял на четырёх лапах и, гордо вскинув голову, угрожающе рычал. Он не позволял Атли сдаваться. Даже если они заставят пресмыкаться Атли-человека, Атли-Волка им не достать, не унижить, не отобрать его достоинства. И Атли сделает всё, чтобы так оно и оставалось. Защитить своего Волка — долг каждого оборотня. И однажды, когда придёт время, при первой же возможности Волк его спасёт.

2

ЗАЙЦЫ В СИЛКАХ

Печь медленно прогревала маленькую избушку. Ещё влажный хворост шипел, исходил паром и потрескивал. Деревня в десяток домов оказалась совершенно пустой, а у каждого забора сквозь снег пробивались чёрные цветы волчьего аконита. Всеми забытая деревенька пряталась за леском, что рос вниз по реке от столицы, и слишком уж напоминала Утопкино. Василиса не сомневалась, что ещё недавно она была полна волколаков, тех, с которыми они сражались в Даргороде, тех, которые убивали горожан и которые убили малютку Дару...

Финист одним быстрым движением вспорол брюхо белому зайцу. Кровь полилась в приготовленную лохань. Рядом на еловых ветках лежал ещё один заяц, уже освежёванный.

Василиса сидела на лавке, подтянув колени к подбородку и прислонившись спиной к тёплой печи, и смотрела прямо перед собой, раз за разом прокручивая в голове слова предсказания немой шаманки из Северных Земель: «Старый мир рухнет, и солнце не взойдёт. Владыка в медвежьей шкуре прольёт кровь

и потеряет венец. А воину, отмеченному золотом богов, суждено разрушить древнее заветное.

Не ходи за лешим в Тёмный Лес, если не готова умереть.

Чему быть, того не миновать. Лишь раб, что получит свободу, меч, что разрубит камень, и свет, что затмит солнце, смогут остановить жернова судьбы».

События выстраивались в хаотичном порядке, не желая делать картинку полной. Может быть, это и вовсе ничего не значит? Перед глазами снова вспыхнуло синее пламя и руины гарнизона. Оскалилась отрубленная голова Аспида, что говорила с Василисой в видении.

— У меня от твоих переживаний скоро голова лопнет, красавица, — бросил Финист, ловко орудуя ножом. Внутренности зайца с отвратительным звуком плюхнулись в лохань. — Давай поболтаем. Что тебя гложет? Может быть, если ты выговоришься, мне станет легче.

— Нет, спасибо. — Василиса поёжилась. — Ты последний человек, с которым я захочу поболтать.

— А вот и зря. — Финист подмигнул: — Ты знаешь, что язык у меня проворный, но это не единственное его достоинство.

Василиса фыркнула, а к щекам тут же прилила кровь, растревоженная воспоминаниями.

— А какое ещё? Он умеет оставаться за зубами? — огрызнулась она.

— Какое бы из его умений ты ни выбрала, красавица, я буду рад оказать тебе эту услугу. — Кончиком языка Финист слизал кроличью кровь с большого пальца и лукаво улыбнулся.

Низ живота предательски свело, и Василиса отвернулась, не выдержав пристального взгляда. Несмотря на то что они с Финистом поменялись местами, несмотря на то что не Василиса теперь

16 была заложником клятвы верности, Финист всё ещё заставлял её чувствовать себя слабой и уязвимой. И больше всего на свете Василиса хотела выстроить вокруг себя тяжёлую, непробиваемую броню, которая укроет её не только от его зелёных глаз, но и от всего мира. Но Василиса понимала, что Финист не был причиной, он лишь подчёркивал её слабость, делал видимой, почти осязаемой и особенно болезненной.

«Если бы я была сильнее. Если бы у меня были мои чары. Тогда я бы смогла что-то сделать. Больше. Спасти Дару. Или кого-то ещё», — всё время крутилось у Василисы в голове, а осознание собственного бессилия душило ночами, не давая уснуть. Перед глазами полыхал синим пламенем гарнизон и лежала растерзанная Дара.

— Иногда мы ничего не можем сделать, и с этим надо смириться, — словно отвечая на её мысли, сказал Финист невозмутимо. — Бьюсь об заклад, где-то ещё сейчас умирают дети, женщины, зайцы. — Он тряхнул выпотрошенной тушкой. — Ты не можешь спасти всех.

— Я могла спасти Дару, если бы...

— Нет, не могла, — резко оборвал её Финист. — Иначе спасла бы. Повзрослей уже, и если хочешь кому-то помочь, делай то, что в твоих силах, а не пытайся прыгнуть выше головы. А иначе и не поможешь никому, и сама сгинешь.

Василиса хмыкнула:

— А чего ты беспокоишься? Сгину — станешь свободен.

— Нравись ты мне, красавица. Думал, ты это поняла, пока была на моём месте, — серьёзно проговорил Финист, но тут же осклабился: — И в моей постели.

Василиса закатила глаза и шумно выдохнула, превозмогая желание швырнуть в Финиста поленом.

Вместо этого она обессиленно сползла по стенке печи и растянулась на лавке, левая рука свесилась и безвольно легла на пол, правую Василиса вытянула перед собой и уставила на чёрные пальцы. В последние дни у неё не получалось высечь даже пару жалких искр, словно чары окончательно отказались от неё, а магия в венах, которая раньше лилась уверенным потоком, согревая и давая надежду, теперь истончилась и превратилась в едва ощутимый ручеёк. Василиса боялась, что однажды ручеёк станет настолько слабым, что она совершенно перестанет его чувствовать. Но чародейка не знала, как этому помешать.

— Что случилось с твоими чарами? — Василиса перевела взгляд на Финиста. Тот уже промывал тушки зайцев и укладывал в чугунный горшок.

Финист вскинул голову, и изумруды в его ушах сверкнули, поймав отсветы пламени.

— Ты о чём?

— Ты однажды сказал, что не можешь колдовать. Почему?

Финист хмыкнул и бросил в горшок пару кореньев.

— Не думаю, что у нас одна причина. Моя — трагедия внешних обстоятельств, а твоя кроется где-то внутри тебя самой.

— Что ты имеешь в виду?

Ответить Финист не успел. Дверь скрипнула, и в избу вошёл Кирши, белый от осевшего на одежде снега и румяный от мороза. Вслед за ним вспрыгнул на порог Тирг, брезгливо отряхнул лапы и помчался к печке.

— Холодина страш-ш-шная! — запричитал он, прижимая толстый бок к горячему камню. — Я чуть не околел!

— Что же ты в щепу не спрятался? — рассмеялась Василиса и села, давая домовому больше места.

— Это что же, этот дурак один там околевать будет? — фыркнул Тирг. — Он бы заблудился насмерть, если бы я ему дорогу до дома не показал. Я вообще, как всегда, всю работу за него сделал. Это у вас что? Зайцы?

Тирг заинтересованно повёл носом и распушил усы. Финист отодвинул горшочек подальше от кота.

— Как всё прошло?

— В эту деревню я тоже не вошёл. — Кирши скинул плащ и стряхнул снег с волос. — На воротах висит знамя чернокнижников. Судя по всему, в ту ночь они взяли не только Даргород. Возможно, заняли всё княжество.

Василиса поджала губы и запустила пальцы в волосы. Голова тут же загудела от мыслей.

— Что же делать?

— Кое-что мы всё же узнали. — Кирши кивнул на Тирга.

Кот отряхнул со шкуры растаявший снег, забрызгав Василису водой, и гордо задрал морду:

— В отличие от вашего бесполезного Тёмного, я сумел проникнуть в деревню и выследить врага! — Он сел и грациозно обернул лапы хвостом. — Чернокнижники заняли дом старосты и выпили почти всю брагу, что смогли найти. Это-то и развязало им языки. А я героически, решительно и самоотверженно, никем не замеченный, словно ночная тень, проник прямиком в их злодейское логово...

— Тирг! — оборвала его Василиса. — Ближе к делу! А то вместо зайчатины сам будешь себе ужин в погребу ловить.

Тирг недовольно сверкнул жёлтыми глазами и дёрнул порванным ухом, но послушался:

— Тени, которых мы видели в Даргороде. Это те же самые Тени, что и пятьдесят лет назад, только теперь чернокнижники как-то научились ими управ-

лять. Один из чернокнижников, весь в рунах, сказал другому, что чувствует, как Тени в нём шевелятся и это сводит его с ума. А ещё они сказали, что ходят слухи, будто их предводитель Зоран вместо пса держит на цепи... капитана Воронов.

Катана звякнула в руке Кирши, взгляд его ожесточился, а черты будто заострились.

— Ты не сказал...

— Знал, что лучше приберечь эту часть до возвращения, — прижал уши Тирг и обеспокоенно посмотрел на Василису.

Кирши схватил плащ:

— Я возвращаюсь.

Василиса вскочила с лавки:

— Что? Куда?

— За Атли.

Кирши направился к двери, но Василиса его остановила, вцепившись в рукав:

— С ума сошёл? Ты не знаешь, где он, сколько людей его охраняют. Даже если ты проберёшься в Даргород и каким-то чудом найдёшь Атли...

Кирши накрыл её руку своей и заглянул в глаза. В его собственных Василиса разглядела боль.

— Я не могу его бросить, Лис. Я... — Голос его сорвался.

— Я знаю, ты надеялся, что он сбежал. — Василиса обхватила его лицо ладонями. Щеки Кирши всё ещё были холодными с мороза. — Что он выбрался, пришёл к тем же выводам, что и мы, и тоже направился в Тёмные Леса. Но помнишь, что ты мне сказал в Даргороде? «Если хотим отвоевать город, надо уходить и всё обдумывать». Кирши, теперь я говорю тебе то же самое: если хотим отвоевать город и вернуть Атли, нам нужно строго следовать плану и продолжать путь. Мы не бросаем Атли, мы обязательно за ним вернёмся, слышишь?

— Вдруг они...

— Они его не убьют, — встрял Финист, который как ни в чём не бывало отправлял горшочек с зайчиной в печь. — Не стали бы иначе сажать на цепь. Поунижают и выставят на всеобщее обозрение как доказательство падения Гвардии и свидетельство превосходства чернокнижников.

— С чего ты взял? — спросила Василиса.

— Я бы сам именно так и сделал, — ухмыльнулся Финист. — А ещё Атли — отличная возможность держать на расстоянии Вегейра. Так что ничего с вашим волчонком не сделают, ну, ничего смертельного. Боги, красавица, будь добра, поумерь своё отвращение, меня от него мутит.

— И поделом, — скривилась Василиса и повернулась обратно к Кирши: — Не верю, что говорю это, но думаю, что Финист прав. Вряд ли Атли планируют убить, но если мы туда сунемся сейчас, то рискуем погибнуть все. Давай... — Голос Василисы дрогнул, и ей потребовались все моральные силы, чтобы закончить такую малодушную фразу. — Давай попробуем делать то, что в наших силах, и не прыгать выше головы.

— Моя умница, — цокнул языком Финист и плюхнулся на лавку.

И хоть Василису передёрнуло, она с облегчением отметила, как немного расслабились плечи Кирши, а боль в глазах как будто притупилась. Жаль, что этого было недостаточно, чтобы её собственная боль утихла. Кирши выскользнул из её рук и грузно опустился на лавку у двери, всё ещё сжимая в кулаке плащ.

— Всё будет хорошо. — Василиса не знала, кого именно пытается успокоить. — Шаг за шагом мы будем двигаться к цели. Тёмные Леса, записи Белогора, поймём, как он победил Тени, найдём Очищаю-

щий Свет, вернёмся и всех спасём. Уверена, ничего сложного. 21

— Только вот Белогор был великим чародеем. И если я правильно помню ваш сбивчивый рассказ, ему помогала сама Морена, — хмыкнул Финист, теряя серёжку в ухе. — А у нас даже нет ни одного мало-мальски способного ведьмака. Мы с тобой, красавица, не считаемся даже за такую немощь.

— Ты не помогаешь! — огрызнулась Василиса.

— А чего ещё ты ждала от вора, убийцы и предателя? — очаровательно улыбнулся Финист и изящным движением закинул ногу на ногу, а руки — за голову. — Я вообще-то голосовал за побег из страны или присоединение к захватчику. Но вы отказались учитывать мой голос и выносить предложение на обсуждение.

— Потому что эти варианты даже не рассматриваются, — как можно спокойнее ответила Василиса.

— Но только они гарантируют нам выживание. По крайней мере, меньшую вероятность смерти. Ты, Василиса, уже умирала, должна знать, насколько это неприятное занятие.

Василиса развернулась всем телом, чтобы выдать Финисту самые отборные ругательства, которые только знала, как вдруг замерла и нахмурилась.

— Погоди-ка, — тихо сказала она. — Откуда ты знаешь, что я...

Финист зажмурил один глаз, растянул губы в неловкой улыбке и со свистом втянул воздух сквозь зубы.

— Вот бес, попался. Ты точно хочешь услышать ответ?

3

СЛАДКИЙ МЁД ДЛЯ ВОЛКА

Снег холодом впивался в ступни, пальцы на руках и ногах ломило, будто кто-то пытался их отгрызть, а кандалы до крови натёрли запястья, но Атли старался не обращать на это внимания и сосредоточиться на дыхании. Совершенно голый, но с высоко поднятой головой, он следовал за укутанным в меха Зораном. Тот небрежно держал в руке серебряную цепь, что тянулась к ошейнику Атли и звенела в такт их шагам. Позади шло ещё с десятков чернокнижников – личных воинов Зорана.

На площади, помнившей праздники и гуляния, пережившей нападение Аспида и кровавую бойню с волколаками, высился наспех сколоченный помост, на котором темнел приготовленный для Зорана трон. Людское море, заметно поредевшее после пережитых бед, пестрело испуганными лицами. Люди перешёптывались и косились на окруживших помост чернокнижников в кожаных доспехах. Позади чернели обугленные развалины гарнизона. Грудь сдавило, а к горлу подкатил упругий ком – Зоран сказал, что никому из гвардейцев не удалось выжить, и Атли до последнего не хотел ему верить.

Но теперь, когда он своими глазами видел, во что превратился гарнизон... 23

Атли не заметил, как остановился, впившись взглядом в чёрные останки своего дома. Зоран грубо дёрнул цепь, и принц упал в снег. Рёбра взвыли, и с ними — Атли.

Это привлекло внимание собравшихся, и множество глаз уставились на него.

— Это что, капитан Воронов? — донёсся до чутких ушей Волка встревоженный голос из толпы.

— Поди, он.

— Ох, Перун, срам-то какой.

— Стало быть, робята, пиши пропало.

Зоран снова дёрнул цепь, заставляя Атли подняться, но тот едва мог пошевелиться, корчась на земле в попытке хотя бы вдохнуть.

— Может, ему хоть плащ дать? — подала голос чернокнижница, которую Атли видел вчера в тронном зале. — Вон уже все пальцы синие.

— Ты где видела, чтобы шавки носили одежду? — гоготнул Зоран, непрерывно дёргая цепь и заставляя ошейник всё сильнее впиваться в кожу. — Не страшись, Огняна, псов севера не так просто извести.

Огняна поджала губы и сделала шаг к Атли, словно хотела помочь подняться, но Зоран вскинул руку, заставив её остановиться.

— А ну вставай! — гаркнул он. — В игры со мной играть вздумал?!

— Ублюдок... — прохрипел Атли.

Плеть огрела его по спине, а потом ещё и ещё, высекая искры из глаз. Атли закричал. И по толпе пробежали испуганные возгласы.

— Да... не могу я... встать! — взвыл он.

— Ещё как можешь! — Огромная лапища Зорана скребла его за ошейник и одним мощным движением поставила на ноги. Впрочем, простоял Атли не-

24 долго: рёбра взорвались новой болью, ноги тут же подкосились, он рухнул на колени, и его вырвало. Вздвогнув всем телом, Атли завалился на бок.

Зоран швырнул цепь в снег.

— Отнесите это к трону, — бросил он с отвращением и продолжил путь к помосту.

Огняна приложила прохладную ладонь к горячему лбу Атли, шепнула что-то, и он потерял сознание.

В реальность его вернул зычный голос Зорана. Черно книжник стоял перед троном, раскинув руки, а Атли лежал позади, тупо уставившись на его обшитые мехом сапоги. Атли практически не различал слов, все они превращались в назойливое жужжание, усиливающее и без того невыносимую головную боль. Лишь к концу длинной речи Зорана он сумел прийти в себя достаточно, чтобы хотя бы отчасти уловить суть.

— ...а потому не желаем мы вам ни зла, ни гибели. И лишь покарать хотим тех, кто отнял свободу у нас и у вас! Кто лгал вам и убивал, чтобы скрыть собственные прегрешения! Узрите же торжество справедливости! Торжество правды!

Зоран махнул рукой и опустил на трон. Толпа снова заволновалась, и спустя мгновение Атли понял почему. На помост вывели пятерых закованных в кандалы пленников. Чародеи из Совета.

Старик Рэм едва шёл, сгорбленный и жалкий, он посмеивался, видимо, окончательно утратив последние крупинки рассудка. Иста — невысокая и худенькая женщина с седой косой, которую Атли видел всего пару раз, — семенила следом, втянув голову в подрагивающие плечи. Атли скользнул равнодушным взглядом по толстому рыжебородому Милораду и остановился на Говене. Дядя, всего пару дней пробывший царём, выглядел измученным. Лицо осунулось, обыч-

но пышные усы сейчас висели грязными клоками, волосы превратились в спутанные сосульки. Атли бы злорадно улыбнулся, если бы мог пошевелиться.

Последним на помост вывели Драгана. Тот шагал гордо и уверенно, и даже одежда, превратившаяся в лохмотья, и кривая, кое-как обкромсанная борода не умаляли его достоинства. Драган словно шёл не на казнь, а на праздник в свою честь. На Атли он даже не взглянул.

– Великий народ вольский! – крикнул Драган, привлекая всеобщее внимание. – Не...

Зоран махнул рукой. В лучах солнца блеснуло лезвие. Чернокнижник, который вёл пленников, опустил меч.

Голова Драгана со стуком ударилась об пол, подкатилась к краю и упала с помоста. Толпа ахнула. Иста закричала, закрывая лицо руками. Говена забрызгало кровью. Тело Драгана покачнулось и рухнуло. К ногам Зорана побежал багровый ручей.

– Предатели собственного народа не заслуживают последних слов! – прогрехотал Зоран. – Предатели заслуживают только смерть!

Зазвенели мечи, покидая ножны. Рэм продолжал глупо улыбаться, когда его голова полетела следом за головой Драгана. Иста, вопя что было мочи, попыталась сбежать, и лезвие с отвратительным чавкающим звуком вошло ей между лопатками и вырвалось между грудей. Она резко развернулась, и чернокнижник, опешив, выпустил из рук оружие. Иста хрипела и старалась ухватиться за остриё, но руки, перепачканные кровью, то и дело соскальзывали. Сделав несколько неуверенных шагов, Иста упала на спину и выгнулась на мече, что вошёл в её тело по самую рукоять, и, дёрнувшись несколько раз, завалилась на бок. До последнего вдоха её лицо не покидало выражение животного ужаса.

Милорад и Говен приняли смерть тихо. Говен плакал, и плечи его дрожали, но он не пытался ни сбежать, ни помешать палачам. И спустя мгновение и их головы уже катились по помосту, разбрызгивая рубиновые капли отнятой жизни.

Зоран объявил пир, и никто из собравшихся не отказался от еды. Площадь заполнили столы, лавки, бочонки мёда и бесконечные блюда с ароматными яствами. Люди, многие из которых лишились крова, близких, набивали котомки едой и пили мёд под весёлую музыку гусяров, а с помоста капала на снег кровь.

Зоран повернулся к Атли и бросил самодовольно:

— Гляди, защитничек: им всё равно, с чьей руки есть.

— Ты ошибаешься, — выдавил Атли.

— Разве?

Зоран поднялся с трона и направился прочь, а на лоб Атли снова легла холодная рука Огняны.

Когда Атли снова открыл глаза, то уже находился в Царских Палатах, на своём обычном месте. Гремела музыка, горели свечи, а тронный зал был уставлен столами и заполнен людьми — у чернокнижников начался свой праздник. Окна чернели ночью, но пирующие ещё и не думали расходиться. Мёд лился рекой, они веселились и плясали, водили ручейки, словно дети в весенние гуляния, и задорно хохотали, будто и не вырезали пару ночей назад половину Даргорода. За столами Атли разглядел упырей — их серые глаза светились, ловя отблески пламени, — и мавок, которые плясали вместе со всеми, распустив длинные зелёные волосы. Похоже, с новой властью и для них наступит раздолье — кровавое и жестокое. Раньше их удерживала Гвардия. Теперь же им больше можно было не опасаться: последний воин Вольской Гвардии стал псом их нового хозяина.

— Вот, поешь.

Атли повернул голову и увидел Сороку. Она была в нарядном зелёном сарафане, румяная и весёлая, так что Атли даже засомневался на мгновение, действительно ли это она. Но огромный красный шрам на лице не позволил ошибиться. Сорока присела на корточки и поставила на пол миску с жареной куриной ногой. В другой миске плескался мёд.

— Кормишь моего пса? — рассмеялся Зоран, тёмной глыбой возникая за спиной Сороки. — Не жирно ему?

Та поднялась на ноги и вытерла руки о сарафан.

— У нас же сегодня праздник, пусть и он поест, — сказала она, смущённо глядя на Зорана из-под длинных ресниц.

— Не боишься, что укусит? — ухмыльнулся Зоран и погладил Сороку по обожжённой щеке. — Другие уже кусали.

— А тебя он уже кусал? — спросила Сорока, мягко отводя от лица его руку.

— Нет, — снова расхохотался Зоран. — Но скоро он будет кусать моих врагов. Я занимаюсь его воспитанием. А может, и ещё для чего сгодится, а?

Он наклонился и ухватил Атли за подбородок, заставив посмотреть на себя. Атли оскалился, пытаясь вырваться, но это только позабавило Зорана.

— Мордашка-то красивая. Как заживут раны, можно и полюбоваться, что скажешь? — Он повернул лицо Атли к Сороке: — Нравится тебе?

Сорока зарделась и пожала плечами.

— Не стесняйся, говори, красив пёс? — весело, но требовательно сказал Зоран.

— Красив, — тихо ответила Сорока, отводя взгляд.

— Вот и я думаю, сгодится, — осклабился Зоран. — Как наберётся сил, предложу его своим солдатам.

Зоран выпустил Атли, и тот обессиленно растянулся на полу. Обхватив Сороку за талию, Зоран увлёк её в толпу, а Атли покосился на миску с мёдом. Напиться? Если подумать, он давно ничего не ел, кто знает, может, этой миски хватит, чтобы забыться. Ненадолго исчезнуть, потерять связь с жестокой реальностью, представить, что всё хорошо и никто не умер. Гвардия всё ещё стоит, а Кирши, Аньяна, Лель...

По щекам Атли потекли слёзы. Ни сломанные рёбра, ни разорванное лицо, ни плоть Зорана не пробуждали в нём такой боли, как осознание того, что он остался совершенно один. Все его друзья мертвы, погребены под развалинами гарнизона, растерзаны волколаками или выпотрошены Тенями. Правда, у него ещё осталась одна призрачная надежда... Кирши. Он всё ещё где-то там, где-то далеко, где-то в безопасности. Но и эта надежда спицей вонзалась в сердце, потому Атли знал: Кирши за ним не придёт. И не потому, что не знает, где он, а потому что... не захочет. Кирши не захочет его спасти, после всего...

Слёзы хлынули с новой силой, превращая мир в размытое пятно с рыжими бликами свечей.

«Умереть бы, — подумал Атли. — Лучше умереть, чем быть одному. И Кирши... тогда... Возможно, я ему это задолжал — свою смерть».

Влажный нос коснулся лица, дохнул жаром, и мягкий язык слизал слезу со щеки. Атли заморгал и повернул голову. На него смотрели любопытные лисьи глаза. Лиса снова понюхала Атли, склонила голову набок и тихонько тявкнула.

— Лель! — крикнула Сорока откуда-то из толпы. — Лель вернулся!

На мгновение Атли показалось, что он сходит с ума. Сорока бросилась через весь зал, и, будто по

команде, толпа расступилась. И сердце Атли про- 29
пустило удар.

Лель, весело смеясь, подхватил Сороку на руки и закружил, а когда наконец отпустил, принялся обниматься с другими чернокнижниками, которые выкрикивали его имя.

«Нет. Этого не может быть. Нет. Нет», – стучало в голове Атли.

Радость оттого, что Лель жив, сменялась разрывающим на части ужасом от осознания смысла разворачивающейся перед Атли картины. А потом Лель оглянулся, и их взгляды встретились. В тёплых медово-карих глазах не было ни удивления, ни жалости.

4

ТЕПЛО И ХОЛОД ЗИМНЕЙ НОЧИ

Дождь хлестал Василису по лицу, руки оттягивал тяжёлый двуручный меч. Она уже с трудом держалась на ногах, но волколаки всё не заканчивались, утробно рыча и истекая слюной, они обступали чародейку со всех сторон.

— Кирши, помоги мне! — крикнула Василиса, из последних сил взмахивая мечом. Не столько чтобы достать кого-то из чудищ, сколько для того, чтобы хотя бы ненадолго удержать их на расстоянии.

Ответа не было, и Василиса оглянулась.

Кирши лежал навзничь, а волколак жадно грыз его горло. Синие глаза слепо уставились в небо.

— Кирши! — Василиса бросилась к нему, но острые зубы впились в лодыжку, и чародейка, вскрикнув, повалилась в грязь. Другой волколак тут же вгрызся ей в бок. Третий — вонзил клыки в горло, и крик Василисы захлебнулся.

Последнее, что она успела заметить, — красную нить на лапе одного из поедающих её чудищ.

— Думаешь, ничего плохого с тобой не случится? — Беремир поставил на стол перед Василисой кружку с мятным отваром. — Я не смогу вечно за тобой приглядывать.

— А за мной и не надо приглядывать! — фыркнула Василиса, набивая рот кашей.

— Смотрите, как заговорила. Два вершка от колена, вместо головы — полено, а гонору, как у царя.

Василиса скорчила рожу и принялась старательно слизывать остатки каши с ложки.

— Так нечестно! Ты в моём возрасте уже был капитаном Воронов, а мне позволяешь только банкиков гонять.

— У меня в твоём возрасте было ума побольше да ноги покрепче. — Беремир сел напротив и отхлебнул мятного отвара. — А ты меч в руках удержать не можешь.

— Моё дело — чары. Мечами пусть другие махают.

— Машут.

— Ай-й! — отмахнулась Василиса, откинулась на стену и погладила набитый живот. — Чары меня никогда не подведут! Уж я-то знаю.

— Чары обязательно тебя подведут. — Беремир снова глотнул из кружки. — Уже подвели.

— Я... Что? — Василиса уставилась на свои руки. Запястья и предплечья в шрамах, два почерневших пальца на правой руке. — Я не понимаю...

Беремир встал из-за стола, заложил руки за спину и подошёл к окну.

— Не разочаруй меня, — сказал он, вглядываясь куда-то вдаль. — И сделай, что должна.

В печи шептались дрова, нарушая воцарившуюся тишину. Василиса глядела на наставника, и упругий, густой страх змеёй сворачивался в груди.

— Ты умер, — медленно проговорила Василиса, с трудом вытягивая воспоминания из темноты. — Белогор убил тебя.

— Да, но я сделал всё, что было в моих силах, чтобы остановить его. — Беремир не обернулся. — Я сделал всё, что мог, чтобы защитить тебя, чтобы защитить Аргорада, Миру, Белаву. И я заплатил за это высокую цену. Тебе тоже придётся, Василиса... пойти до конца и защитить тех, кто тебе дорог. Чего бы это ни стоило.

Василиса вскочила на ноги, и тут взгляд её упал на руну, высеченную на ладони Беремира. Ту, что она видела в воспоминаниях о его гибели.

— Что это за руна? — спросила она. — Что она значит?

— Ты знаешь, — пожал плечами Беремир.

— Нет, я... — Василиса нахмурилась. Виски начало ломить от боли, а руна — расплываться. — Я никак не могу... вспомнить.

— Ты просто не хочешь вспоминать. Но тебе придётся. Чтобы понять.

Василиса открыла глаза и уставилась в темноту. Сердце колотилось, а голова болела от стоявшей в избе духоты. Бок грел свернувшийся клубочком Тирг. Василиса аккуратно отстранилась и спрыгнула с печи. Кирши и Финист мирно спали на лавках, завернувшись в дорожные плащи. Финист едва слышно бормотал что-то себе под нос.

Василиса натянула сапоги и выскользнула из дома на мороз. Мёртвая тишина деревни утопала в снегу и разбивалась о звёздное небо. Чародейка запрокинула голову и выдохнула облачко пара. Кошмары снились ей почти каждую ночь: жуткая смесь воспоминаний, страхов и тревог, от которых не удавалось скрыться. Да и как скроешься от самой себя?

Чёрные пальцы коснулись груди, и внутри разлилось неуверенное тепло — остатки магии щеко-тали рёбра, кончики пальцев закололо, и Василисе даже показалось, что с них вот-вот сорвутся искры, но магия вздрогнула и рассеялась, мурашками разбежавшись по телу. Василиса разочарованно выдохнула, ссутулившись и опустив голову.

На плечи лег тяжёлый плащ, прогоняя ночной холод.

— Решила замёрзнуть насмерть? — спросил Кирши, становясь рядом и обращая лицо к небу. В распущенных волосах тут же запутался лёгкий ветер.

Василиса запахнула плащ и зарылась подбородком в пропахший костром мех.

— Не спалось.

Кирши хмуро покосился на неё:

— Это из-за того, что сказал Финист?

— Ты про клятву? — Василиса поморщилась: — Нет. Это, конечно, было подло, но другого я от него и не ожидала. — Она замолчала, вспоминая недавний разговор. — А ты как будто не удивился. Знал, что клятва позволяет заглядывать в воспоминания?

Кирши кивнул:

— После смерти Хару... Когда Атли нашёл меня и притащил в гарнизон, он всё пытался выведать, что произошло, а я... не был готов говорить.

По спине Василисы пробежали мурашки.

— И он...

— Залез ко мне в воспоминания. Увидел всё. От нашей с Хару встречи до его смерти. Если честно, это было хуже, чем... — Кирши осёкся, голос его дрогнул. — Так что, можно сказать, тебе повезло, что Финист решил подглядеть твои воспоминания, пока ты спала.

— Это больно? — Василиса затаила дыхание.

- 34 — Не физически. Ты просто... в тебе будто не остаётся ничего твоего, понимаешь? Будто последний и единственный уголок тебя отняли и больше не на что опереться, не за что ухватиться и самого тебя тоже нет. И дело даже не в том, что он увидел, а в том, что... посчитал, что может перейти эту черту. Я и так был весь его. Моё тело, мои чувства — он получал всё, что просил, но этого ему оказалось мало. Он боялся, что кому-то другому я дал больше.
- Если он причинил тебе столько боли, тогда почему... — тихо, почти шёпотом сказала Василиса, — почему вчера ты без раздумий собрался идти за ним?
- Кирши закрыл глаза и выдохнул:
- Потому что я ему нужен.

Какое-то время они стояли молча, глядя на звёзды и слушая дыхание друг друга. У Василисы щемило сердце, но она едва ли могла отыскать причину среди вороха чувств и просто ждала, пока они улягутся и стихнут, спрятанные от мира под тёплым плащом. Хотелось замереть и перестать дышать, остановить время и затеряться в ночном небе, ни о чём не думать, и завтра, с новыми силами, продолжить путь. Редкие снежинки медленно падали на лицо, пугались в волосах и меховом вороте плаща, принося с собой необъяснимое спокойствие.

Ладонь Кирши, оказавшаяся в пленительной близости от ладони Василисы, делилась с ней своим теплом, особенно осязаемым в холоде ночи. Рука Кирши дрогнула, и их с Василисой мизинцы соприкоснулись. Мимолётное, робкое откровение, осторожная и безмолвная просьба о нежности, которой им обоим так не хватало.

Василиса легонько провела мизинцем по ребру ладони Кирши, словно спрашивая разрешения. Кирши шумно выдохнул, и его пальцы коснулись её.

— Я же говорил, что видел днём дым. — Приглушённый мужской голос заставил их отдернуть руки. — Смотри, вот ещё следы!

Василиса обернулась, а Кириши, ухватив за рукав, оттащил её за ближайший сугроб. Из-за угла появились трое мужчин в чёрных плащах и кожаных доспехах. В руках горели факелы.

— Да небось бродяги какие в дом забрались, — ответил второй голос, недовольный и хриплый. — Утром бы всё проверили.

— Может, бродяги, а может, сбежавшие чародеи. Утром их, поди, и след бы простыл. Мы лучше их врасплах застанем. И если это чародеи или какие-нибудь выжившие гвардейцы, нас Зоран золотом осыпет или даже переведёт на службу в Даргород. Ты и дальше хочешь в деревне прозябать?

— Старостой мне быть нравится, — пожал плечами хриплый. — Жена прошлого старосты харчи нам знатные готовит, дом большой и перина мягкая, не чета нашей пещере в горах.

— Дурак ты. В столице тебе, если Зорану угодишь, дом в три раза больше дадут.

— А на хера мне одному такой дом большой-то? — почесал в затылке хриплый.

— А ты жену бывшего старосты с собой забери, пусть и дальше тебе харчи готовит, — загоготал третий, по голосу совсем ещё молодой.

— Да на хрена ему эта баба сдалась? Когда Чернобог придёт, у нас этих баб будет — во! — первый стукнул себя ребром ладони по горлу.

— Да чего вы всё о бабах-то? — В словах хриплого звучала обида. — Как будто ради них на Даргород пошли.

— Ну, это уж кто ради чего. Ты, видать, за харчи, — снова загоготал третий.

— Тихо! — первый вскинул руку и прислушался. — Ещё разбудим тех, в доме, и спугнём.

Они продолжили путь уже молча. Василиса вжалась в сугроб и оглянулась на Кирши.

— Оружие, — сказала она одними губами.

Кирши покачал головой, и Василиса прикусила губу от досады. Оба они оставили оружие в доме.

— Что будем делать? — спросила она.

— Выйдем и попробуем поговорить? — шепнул Кирши.

— Чародеев берём живыми, гвардейцев кончаем на месте, — скомандовал один из мужиков.

Кирши покосился на свой вороний кафтан:

— Видимо, поболтать не получится.

— Я их отвлеку, а ты проберись за оружием и разбуди Финиста, но не нападай, — шепнула Василиса. — Может быть, получится уговорить их убраться. Годится?

Кирши хмуро поглядел на Василису — затея явно ему не нравилась, — но, помедлив, он всё же кивнул. Василиса одарила его быстрой улыбкой и выскочила из-за сугроба. Сердце колотилось от страха, но чародейка постаралась придать лицу непринуждённое и немного наивное выражение.

Чернокнижники, которые уже успели войти во двор и миновать сугроб, за которым Василиса с Кирши прятались, слышали хруст снега и обернулись.

— Вечер добрый, господа! — всплеснула руками Василиса. — А я уж думала, что в деревне ни души. Как же я рада вас повстречать!

— Ты кто? — спросил ближайший чернокнижник и поднял факел над головой, чтобы осветить больше пространства. А Василиса с трудом скрыла удивление — мальчишка едва ли был старше её самой. А может, ему ещё не было и двадцати. Русые кудри выбивались из-под красной шапки.

— Отвечай! — Хриплый оказался ещё младше, лет семнадцати, не больше, низкий же и грубый голос его оказался следствием огромного шрама на горле.

— Я путешественница, — опомнилась Василиса и махнула рукой за спину: — Моего коня задрала нежить в лесу, а я чудом спаслась и набрела вот на эту деревеньку. А вы, ребят, тут живёте?

— Ты тут одна? — Чернокнижник в красной шапке проигнорировал вопрос, с подозрением оглядываясь по сторонам.

Василиса беззаботно рассмеялась и махнула рукой:

— Только не говорите, что девушке путешествовать одной опасно. Я уже столько этого наслушалась, что тошно!

Чернокнижники переглянулись, но, как показалось Василисе, немного расслабились.

— А ты, стало быть, не боишься одна? — подал голос третий чернокнижник. Его лицо Василиса не могла разглядеть за светом факелов. — Ещё и по ночам бродишь?

— Да вот не спалось, вышла голову проветрить, — пожалала плечами Василиса, с облегчением замечая тень, что юркнула за спинами чернокнижников и поспешила заглушить своим голосом возможный шум шагов. — А вы чего по ночам бродите? Ищете кого?

— Ага, тебя! — Чьё-то дыхание обожгло макушку, и тяжёлая рука легла на плечо. Василиса дёрнулась и воткнулась спиной в чью-то широкую грудь.

«Чубасья мать. Их четверо?»

Василиса оглянулась и встретилась взглядом с холодными серыми глазами. Упырь. Не успела чародейка двинуться, как его огромная ручища сгребла её за горло.

— Второй пошёл в дом. И судя по запаху, там есть ещё кто-то. — Упырь продемонстрировал длинные желтоватые клыки. — Так повтори, девица, кто ты такая? И зачем нас обманываешь?

Василиса обеими руками вцепилась в запястье упыря, хватая ртом воздух. Пальцы ног едва касались земли.

— Всех, кто в доме, убить, — скомандовал Красная Шапка. — Девчонку возьмём с собой. Не придуши её раньше времени, Ель.

Упырь хмыкнул, но хватку ослабил, и Василиса наконец смогла вдохнуть.

На крыльце появились Кирши и Финист. Катана Кирши — в ножнах, меч Финиста — наготове. На несколько мгновений все замерли, изучая друг друга, Василиса заметила на поясе упыря длинный кинжал. Отлично, нужно только улучшить момент.

— Ещё шаг, и я убью вашу подружку! — крикнул упырь. — Бросьте оружие!

— Я бы не советовал, — ответил Кирши. — У неё бешеный домовой!

Василиса покосилась на Тёмного. Что он хочет...

Тут воздух перед лицом упыря за клубился чёрным дымом, который вмиг обратился в Тирга, и кот с диким воплем вцепился Елю в глаза когтями. Упырь взревел и выпустил Василису, а она тут же выхватила у него из ножен кинжал. Таким упыря не убить — Василиса перехватила оружие поудобнее и бросилась к ближайшему чернокнижнику. Им оказался хриплый парнишка со шрамом.

Он неловко блокировал удар мечом — лезвия зазвенели, встретившись.

— Я не хочу тебя убивать, сдайся! — крикнула Василиса, наступая и понимая, что мальчишка едва ли умеет держать меч. Но уже в следующий миг она поняла почему.

Быстрый взмах рукой, и Василиса едва увернулась от раскалённого огненного пера. Чубась! Мальчишка уже начинал следующий пасс. Пригнувшись, Василиса со всей силы врезалась ему плечом в живот и повалила на землю. Чары — не лучший союзник, когда противник подобрался достаточно близко, чтобы достать тебя кулаком: пассы занимают слишком много времени. Что ж, хоть какие-то уроки Беремира она сумела усвоить.

Они покатались по снегу. Василиса извернулась и сумела оседлать чернокнижника. Нанести быстрый удар в сердце или в шею, туда, где у него уже красовался шрам, и ринуться дальше. Но Василиса медлила. На неё смотрели испуганные голубые глаза неопытного мальчишки.

— Не двигайся, — скомандовала Василиса, прижимая лезвие к его тонкой шее. — Будешь подчиняться, сохраню тебе жизнь.

Рядом на снег упало тело чернокнижника в красной шапке, из раны на груди хлестала кровь. Мальчишка покосился на его труп, и глаза его стали ещё шире от ужаса.

— Милош! Милош!!! — закричал он и забрыкался, пытаясь сбросить с себя Василису. — Нет! Твари! Вы убили Милоша!

— Лежи смиренно! — гаркнула Василиса, но тот всё же сумел извернуться и свалить Василису на снег. Он вскочил на ноги и вскинул руку.

Удар Финиста был быстрым и точным. Юный чернокнижник замер на мгновение, занесённая рука его безвольно повисла вдоль тела, и он рухнул на землю рядом с Милошем.

Финист недовольно цокнул языком и протянул Василисе руку:

— Мне что, вечно тебя спасать, красавица?

40   Василиса проигнорировала протянутую ладонь, глядя, как под мёртвым телом краснеет и тает снег.

— Он же... ещё совсем мальчишка, — выдавила она.

— Он чернокнижник. Остальное не важно, — равнодушно бросил Финист, убирая меч в ножны. — Выучи это поскорее, если хочешь выжить.

Василиса перевела взгляд на Кирши. Тот вытирал катану об одежду обезглавленного упыря. Третий чернокнижник лежал ничком неподалёку. На снегу догорали факелы.

5

ВОЛК, МЕЧТАВШИЙ ОСТАНОВИТЬ ВРЕМЯ

Лель веселился и пил мёд с другими чернокнижниками, не обращая на Атли никакого внимания. Атли же, напротив, пожирал его глазами, не замечая ничего вокруг и чувствуя, как в груди закипает, заглушая телесную боль, гнев. Лель был с ними заодно. Всё это время. Это он. Он. Из-за него. Всё из-за него! Они все погибли из-за него!

Атли приподнялся на локтях, собираясь крикнуть Лелю всё, что о нём думает. Пусть за это Зоран ислещет его плетью или вовсе прикончит, это было не важно. Атли хотел взглянуть в глаза Лелю, а если повезёт — дотянуться до его глотки и придушить к проклятым бесам.

Мила, которая всё это время крутилась подле Атли, заурчала и укусила его за руку, не больно, но словно бы предупреждая. Атли от неё отмахнулся, но она снова вцепилась в него зубами, уже сильнее.

— Да что ты привязалась! — прорычал он, угрожающе занося руку. Лиса взвизгнула, прижала уши и припала на лапы.

42 — Смотрите! Зверушки играют! — засмеялся кто-то из толпы, и все, как по команде, обернулись к Атли.

— Может, и медведя к ним выпустим! Посмотрим, кто кого! — гоготнул кто-то, и все рассмеялись. И Лель. Лель тоже смеялся.

— А давайте напоим пса медовухой и посмотрим, что будет!

— Давайте! Давайте!

Знатно захмелевшая толпа двинулась к Атли, а он напрягся, готовясь отбиваться.

— Не подходите! — гаркнул он, скалясь.

Какая-то чернокнижница с двумя длинными косами ухватила обеими руками за цепь и с силой дёрнула. Атли ткнулся подбородком в пол, и несколько пар рук тут же подхватили его и перевернули на спину, прижав к земле.

— Держи его! Крепче держи, чтоб не дёргался! Рот ему открой! Нос зажимай! Вот так!

Они хохотали и шутили, будто дети за дворовой забавой, будто Атли был для них занимательной игрушкой. Когда они перестали видеть в нём человека? Когда он опустился на колени? Когда лишился одежды? Или когда на его шею надели ошейник? Или, может, для них он всегда был лишь цепным псом на службе у Гвардии?

Кто-то притащил бочонок с мёдом и откупорил крышку. Горло обожгло хмельной сладостью, Атли пытался уворачиваться, но ему не давали двинуться, и пришлось глотать, чтобы не захлебнуться. А они продолжали смеяться. Чьи-то руки скользили по его телу, чьи-то пальцы крепко держали за волосы. Атли не видел лиц, только беспорядочную россыпь одинаковых гримас.

Когда бочонок опустел, Атли уже едва ли понимал, что происходит вокруг, отупевший от меда, он

ещё вяло пытался сопротивляться. Его перевернули на живот, уложив лицом в лужу пролитого напитка и перечисляя всё то, что планируют сделать с ним и его телом. Атли закричал, но его только сильнее прижали к полу.

— А ну прекратить! — громогласный голос Зорана разнёсся по залу. — Кто вам позволил трогать то, что принадлежит мне?!

Руки отпустили, и чернокнижники рассыпались в разные стороны. А Атли стиснул зубы, стараясь сдержать слёзы облегчения.

— Стоило мне отлучиться, вы устроили не пойми что! — гневно продолжал Зоран. — Так же мерзко вы будете встречать нашего бога, когда я открою для него врата? А?!

Толпа нерешительно загудела.

— Скажите спасибо Сороке! Приведи она меня позже, я бы без раздумий убил каждого, кто хотя бы пальцем тронул моего пса! Не разбираясь, кто спустил штаны, а кто только смотрел! Стража! Тех троих в темницу!

Атли не видел, кого скрутили и вывели стражники, у него не было сил пошевелиться. Всё, что он мог, — дышать и наблюдать, как Лель в другом конце зала о чём-то шепчется с Огняной.

* * *

Атли проснулся от того, что кто-то касался его плеча. С трудом разлепив глаза, он различил лицо Сороки. Тронный зал был усеян храпящими чернокнижниками — люди заснули прямо там, где пили: на столах, лавках, на голом полу.

— Надо уходить, — сухо сказала Сорока, достала из передника связку ключей и принялась искать нуж-

44 ный, примеряя к замку, что держал цепь от ошейника прикованной к трону.

— Что? Куда? — Голос звучал хрипло, а голова ещё плохо соображала.

— Отсюда, — бросила Сорока, не добавив никаких больше объяснений.

— Ты помогаешь мне сбежать? — Атли ничего не понимал.

— Заткнись и поднимайся, — прошипела Сорока, подобрав наконец нужный ключ. Замок щёлкнул. Она схватила цепь и потянула Атли за собой.

— погоди, — Атли удержал её на месте. — У тебя есть ключ. Сними ошейник и кандалы, чтобы я...

— Нет, — отрезала Сорока и снова потянула Атли за собой.

— Почему?

— Мне не велено.

— Кем?

Сорока скрипнула зубами:

— Не болтай и иди. Оковы я не сниму. Это условие, если хочешь выбраться. — Она снова дёрнула цепь.

Атли поднялся на ноги:

— Выпусти медведя.

Сорока покосилась на клетку. Зверь сидел за решёткой и наблюдал за ними, склонив голову набок.

— Нет. Идём.

— Это не обсуждается, — Атли остался на месте. — Цепи остаются на мне, я не премираюсь и делаю всё, что ты велишь, но медведя мы берём с собой.

— Нет. Мы теряем время. И с ним мы можем вообще не выбраться.

— Значит, мы не уходим.

Сорока побагровела. Стиснула в пальцах цепь, переводя гневный взгляд с Атли на медведя и обратно.

— Кто он? — наконец спросила она.

— Друг. Без него я не уйду.

Сорока напряжённо думала.

— Он послушный?

Атли покосился на медведя. Он совсем не был уверен в том, что зверь будет его слушаться.

— Да.

Сорока грязно выругалась, но пошла к клетке и снова принялась примерять ключи. Спустя несколько минут замок щёлкнул, дверь открылась, и Сорока шагнула в сторону. Медведь вышел, огляделся по сторонам, втянул носом воздух и посмотрел на Атли, будто ожидая приказов. Атли выпрямился и посмотрел ему в глаза. Вряд ли он сейчас выглядел как внушающий уважение вожак, но выбора у него не было.

— Иди за мной и веди себя тихо, — сказал Атли как можно более грозно. Медведь в ответ шумно выдохнул, что Атли принял за согласие.

Сорока цыкнула и потянула его за собой.

Они осторожно обходили храпящих на полу чернокнижников, стараясь никого не потревожить, а Атли удивлялся, как же крепко все спят. Покинув тронный зал, Сорока повернула налево — в сторону старого крыла Царских Палат, которое практически не использовалось.

— Надо успеть до завершения смены караула, — прошептала она. — Часть стражи на первом этаже удалось напоить, но те, что на втором, охраняют Зорана, могут нас услышать, так что следи за своим медведем.

Атли на мгновение даже опешил. Никогда ещё он не слышал таких длинных фраз из уст Сороки. Оглянулся — медведь послушно шёл следом, неотрывно глядя Атли в затылок.

Коридоры сменялись коридорами, каждый шорох заставлял волосы на загривке вставать дыбом,

46 но царский терем казался спокойным. Никто не выскакивал из-за поворотов, не слышались голоса, не звенело оружие. И вот наконец они достигли старой, заброшенной кухни. Сорока открыла один из шкафов, достала оттуда подбитый мехом плащ и бросила Атли. Сердце радостно заколотилось. Атли не мог поверить, что совсем скоро окажется на свободе. Стоит только избавиться от ненавистных кандалов...

Они уже двинулись к выходу, когда медведь задел боком шкаф, тот покачнулся, но устоял. Дверцы открылись, и на пол с грохотом вывалилась посуда.

Атли с Сорокой замерли. Где-то наверху послышались шаги.

— Быстро! — скомандовала Сорока и с новой силой потянула Атли за цепь.

Они выскочили на улицу и помчались в тень деревьев.

— погоди, конюшни в другой стороне, — окликнул Сороку Атли.

— Мы не в конюшни, — ответила она и потянула его в глубь сада.

Снег хрустел под ногами и обжигал ступни, но Атли едва ли обращал на это внимание, торопясь за Сорокой, которая уже перешла на бег. Рёбра болели, но Атли уговаривал себя держаться и не сбавлять темпа.

Свобода, он должен оказаться на свободе.

Из царского сада, под прикрытием сугробов, они дошли до рощи, а оттуда Сорока вывела Атли к развалинам гарнизона.

— Не понимаю, — прошептал Атли. — Куда...

— Заткнись. Нам внутрь.

Сорока подошла к дыре в частично обвалившейся стене и забралась внутрь. Атли послушно шёл следом, медведь дышал в затылок. Но в груди разра-

сталось новое, нехорошее предчувствие. Возможно, Сорока вела его вовсе не на свободу. Но куда в таком случае? Атли оглянулся. Позади ещё виднелся просвет в стене. Сорока выглядела хрупкой, он мог вырваться и сбежать. А с цепями как-нибудь разобраться, когда окажется подальше отсюда.

– Если побежишь, убью, – прошипела Сорока и зажгла на ладони огонёк, предупреждая и одновременно освещая дорогу.

Атли ничего не ответил, но с побегом решил повременить. Посмотрим, куда ведёт его эта девчонка.

В гарнизоне мало что уцелело. Своды обрушились, колонны лежали на полу, который укрывали обломки стен и мусор, сквозь дыры в крыше падал снег. Сорока вела Атли в темницы – в этом не осталось сомнений, когда они ступили на крутую лестницу, уходившую глубоко в темноту. Под рёбрами снова завозилось колючее чувство тревоги.

В отличие от верхних этажей гарнизона, темницы уцелели почти полностью, только кое-где осыпались камни с потолка. Сорока то и дело останавливалась на развилках и что-то бормотала себе под нос, будто вспоминая дорогу. Сердце Атли ёкнуло, когда она наконец подвела его к знакомой двери. Двери, за которой когда-то сидел Аспид по имени Жнец.

Наконец Атли всё понял.

Длинный коридор закончился большой круглой залой. На стенах горели факелы. И в свете одного из них стоял Лель.

– Атли... – выдохнул он, шагая навстречу.

Атли отпрянул, цепь натянулась. Сорока протянула её конец Лелю:

– Забирай. Мой долг уплачен. Жизнь за жизнь.

Лель цепь брать не стал. И Сорока просто бросила её на пол.

— Больше я тебе ничего не должна, — твёрдо сказала она. — Я пошла. Нужно ещё замести следы.

Она стремительно развернулась и пошла к выходу.

— Спасибо, Сорока! — сказал Лель.

Сорока обернулась и тряхнула головой.

— Я была бы рада, если бы он умер, — проговорила она и покинула залу.

Атли с Лелем остались вдвоём. Втроём, если считать медведя, который заинтересованно обнюхивал камни.

— Вижу, ты нашёл себе друга... — начал было Лель.

Кулак Атли ударил ему точно в скулу, Лель задохнулся и полетел на пол. Атли с утробным рычанием сгрёб его за грудки и впечатал в стену.

— Ублюдок! Ты был с ними заодно! — взревел он, но рёбра тут же взорвались болью, руки задрожали, и Атли упал на одно колено.

Лель, кое-как устояв на ногах, потёр затылок и поправил рубаху.

— Хорошо, что я попросил Сороку не снимать кандалы, — пробормотал он, казалось, удивлённый случившимся. — Как знал.

— Всё это время, — Атли пытался отдышаться, — ты был одним из них!

— Атли, — Лель присел на корточки и заглянул ему в единственный видящий, не закрытый повязкой глаз, — позволь всё тебе объяснить.

Атли горько усмехнулся:

— Ты правда думаешь, что тут можно что-то объяснить? Так, чтобы после этого я не убил тебя на месте? За измену Гвардии. За предательство. За чёрную магию.

— Да, Атли. — Голос Леля звучал спокойно и тепло. — Я расскажу тебе всё без утайки. Надеюсь, наше короткое знакомство и тот факт, что я вытащил тебя сегодня, станут некоторым основанием

для того, чтобы ты всё же пошёл мне навстречу и выслушал. Ты сможешь убить меня после, если считаешь нужным. Что скажешь?

Атли посмотрел в глаза Леля. Они, как и всегда, как он и помнил, светились нежностью и заботой. Их выражение было совсем не таким, какое он увидел в тронном зале прошлым вечером.

— Хорошо, — скрепя сердце сказал Атли.

— Хорошо, — с облегчением повторил Лель. — Но прежде ты позволишь мне помочь тебе?

Атли, помедлив, кивнул. Лель слабо улыбнулся, стянул с него плащ, разложил на полу и помог сесть. Встал на колени и внимательно осмотрел.

— Сначала я залечу раны, а потом сниму цепи, — медленно и вкрадчиво сказал Лель, будто говорил с ребёнком. — Иначе Волк не позволит моей магии помочь тебе. Хорошо?

Атли снова кивнул. Говорить он не мог, к горлу тут же подкатывал ком. Лель снова ответил нежной улыбкой.

Его руки осторожно коснулись груди Атли, и пальцы принялись методично и бегло проверять рёбра на целостность, провоцируя то тут, то там предательские стайки мурашек. Наконец они добрались до огромных синяков на боках, и Атли зашипел от боли.

— Сейчас боль стихнет, — прошептал Лель. Правая рука осталась лежать на рёбрах, а левая прильнула к груди у самого сердца. Лель закрыл глаза, а Атли охнул, когда почувствовал, как в него проникла магия. Волк недовольно зарычал, а Атли со стоном смежил веки.

Нежной золотой лентой магия скользнула к сердцу, окутала его приятным теплом и нырнула вглубь, чтобы через мгновение собраться под пальцами Леля и укутать собой сломанные кости. Боль, ежeminутно терзающая Атли столько дней, исчезла, и

50 он, невольно выдохнув, подался вперёд, обессиленно уткнувшись лбом в плечо Леля.

Лель погладил его по затылку, провёл ладонями по спине, вдоль обострившихся бугорков позвоночника.

— Ещё немного. — Шёпот согрел ухо Атли, вызвал дрожь в ослабленном, уставшем теле. — Давай посмотрим, что под повязками.

Лель мягко отстранил Атли и стянул с его головы ткань. Лицо целителя побледнело, когда взору открылась рана.

— Всё плохо? — спросил Атли.

— Видел и хуже, — улыбнулся Лель одними губами. — Рана загноилась, края очень неровные, и даже с серебром я чувствую, что Волк сопротивляется магии... Я вылечу, но боюсь, что останется шрам.

— Не страшно.

Лель кивнул и накрыл правой рукой рану на лице, левая снова легла на сердце. Атли стоило больших усилий сдерживать стон, когда золотая лента магии снова прошла сквозь него и согрела щёки, заставляя края раны стягиваться и забирая боль. В следующее мгновение Лель притянул Атли к себе в объятия. Что-то щёлкнуло, Атли вздрогнул, ошейник разомкнулся и звякнул, падая на пол. Ещё два щелчка — и освободились запястья. Атли лежал на плече Леля и вдыхал его запах. Запах, в котором звучали нежность, свобода, горечь и сожаление.

Лель погладил Атли по затылку, привлекая внимание.

— Всё, мы закончили. Теперь я могу тебе всё рассказать.

— Прошу, — умоляюще выдохнул Атли, желавший продлить мгновения тепла, желавший, чтобы не существовало ничего до этих мгновений и после них. Ничего, что причинило бы ему новую боль. — Давай не сегодня. А сегодня, сейчас, давай оставим всё как есть.

6

ПЛАМЯ В РУБИНОВОМ СЕРДЦЕ

У гуля серая кожа и ослиные копыта, зубы и когти их полны трупного яда. У волколака – лысая волчья морда и красные, жаждущие крови глаза. Глаза упырей – мёртвая серость, а острые клыки и бледно-серая кожа кричат: «Перед тобой хищник!» Но чернокнижники...

Василиса никогда не видела чернокнижников. Обычно она представляла зловещие образы, скрытые под плащами фигуры с горящими в темноте капюшонов красными глазами – хищники, чудовища, подобные волколакам и гулям. Такими они существовали в рассказах и в воображении, такими предстали на стенах Даргорода в ту страшную ночь. Но теперь Василиса смотрела на мёртвого мальчишку на снегу, пронзительно-голубые глаза которого уже подёрнулись белёсой плёнкой. Он не был похож на хищника и на чудовище не был похож. Обычный мальчишка, со щёк которого ещё не сошла детская мягкость. В этом было что-то неправильное, что-то... противоестественное. И Василиса никак не могла понять, что именно. То, что он мёртв? То,

52 что он не колеблясь попытался убить её? То, что убить его должна была она? Или то, что ей ещё не раз предстоит убить таких, как он?

«Он черно книжник. Остальное не важно. Выучи это поскорее, если хочешь выжить».

Финист натянул на уши новенькую красную шапку, ухватил мальчишку за ноги и потащил к другим трупам. Кирши занимался костром. Нужно было сжечь тела, чтобы не привлекать нечисть. Во время разведки в лесу Кирши заметил голодных гулей.

— В соседней деревне я насчитал не меньше десяти черно книжников, — сказал он, доставая огниво. — Этих скоро хватятся. Нужно уходить.

— Доберёмся до притока Даргород-реки, — встрепенулся Финист. — Там на берегу рыбацкая деревенька. Местный ведьмак у меня в долгу. Мигом нас домчит до Тёмных Лесов. Главное, чтобы река не успела встать.

— Главное, чтобы в твоей деревне тоже не засели черно книжники, — хмыкнул Кирши. — Далекое это?

— Если правильно понимаю, где мы, то вёрст двадцать с небольшим. — Финист задумался и начал теревить серёжку в ухе. — Если по скорости будем ориентироваться на нашу красавицу и рискнём двигаться по тракту, то, может, доберёмся засветло. Но если не хотим замёрзнуть где-то на ночной дороге, придётся идти не останавливаясь.

— Ты как, готова? — Кирши обернулся к Василисе. Та кивнула — не время сейчас думать о том, насколько она устанет. Каждый день их маленького похода был на вес золота, каждый день стоил кому-то жизни.

Финист присел на корточки возле трупов и принялся обыскивать их карманы.

— Тебе шапки мало? — скривилась Василиса, наблюдая за ним.

Финист не смутился:

— Давай без напускного благородства, красавица, на войне оно тебе ничем не поможет. А вот добро в карманах мёртвых врагов может оказаться очень даже полезным. — Он снял с пояса одного из трупов худой кошель, с победным видом подкинул его в воздух, ловко перехватил и спрятал в карман.

— Война должна быть благородной, — не согласилась Василиса, — иначе мы будем ничем не лучше нечисти.

— Нет ничего благородного в том, чтобы выпустить кому-то кишки, красавица. Это в балладах у войны есть честь, красота и доблесть. А на деле нас ждёт только грязь, дерьмо и смерть. И не важно, за что мы сражаемся. — Он цокнул языком, весело подмигнул и срезал ещё один кошель.

— Это неправда, — тряхнула головой Василиса. — Пока ты сражаешься за правое дело, пока выступишь против зла и защищаешь невинные жизни...

— А кто тебе сказал, красавица, что твоё дело правое? — Финист лукаво сверкнул зелёными глазами и криво усмехнулся: — Я вот уже давно не питаю подобных иллюзий.

— Что ты?..

— Тише! — шикнул Кирши, замирая и вглядываясь куда-то в темноту. — Кто-то идёт.

Василиса с Финистом оглянулись. Сердце чародейки учащённо забилося и ладонь легла на рукоять меча, который она теперь решила на всякий случай всегда носить с собой.

Из-за поворота, откуда в прошлый раз вышли чернокнижники, выбежал вороной конь, осёдланный, но без наездника. Василиса выдохнула и опустила плечи.

— Вот такое добро мёртвых врагов будет даже лучше монет, — осклабился Финист, вскочил на

54 ноги и прогнулся, захрустев позвонками. — Поймай-те этого, а я пойду найду остальных. Должно быть, привязали где-то неподалёку.

Он бодро двинулся к плетню.

— Финист! — окликнула его Василиса. — Только без глупостей.

Тот обернулся и отвесил шуточный поклон:

— Как прикажешь, красавица!

Василиса проводила его недовольным взглядом и направилась к вороному коню. Он недоверчиво стриг ушами, но всё же позволил взять себя под узды и завести во двор.

Кирши наконец удалось развести огонь. Василиса сделала короткий пасс рукой, и пламя, затрепетав, заплясало бодрее, охватив настил из хвороста.

— Прости, не могу помочь больше, — смущённо сказала она, чувствуя, что и это маленькое колдовство стоило ей больших усилий. Сердце колотилось, дыхание стало тяжелее и чаще. — Мы с чарами не в ладах.

Кирши хмуро следил за тем, как пламя нехотя подбиралось к одежде и волосам покойников. А потом перевёл пронзительный взгляд на Василису.

— Знаешь, почему так? — спросил он.

Василиса покачала головой:

— Сначала я думала, что это цена, которую мне пришлось заплатить за переход между мирами. Но потом в пустыне я смогла создать огненного змея. Огромного! До самого неба! Я... мне никогда подобное было не под силу, но потом — всё. Получались только искры. Другие стихии совсем исчезли. А теперь и искр нет. Ещё кое-как удаются вот такие трюки с живым огнём, но магии во мне всё меньше... Она... она будто бы отказалась от меня.

Запахло жжёными волосами и мясом, пламя заплясало с новой силой, дым над телами почернел.

Кирши встал, отошёл от костра и встал рядом с Василисой.

— Если дело не в уплаченной цене за переход, тогда в чём?

— Финист считает, что во мне.

— Ты ему веришь?

— Ну, у меня пока нет других вариантов. Да мы и этот не обсуждали толком. Он обронил фразу между делом. Нужно будет расспросить его поподробнее. А вообще я втайне надеюсь отыскать что-то полезное в записях Белогора. Если нас ждут сражения, то лучше чарам быть при мне. Даже если я буду тренироваться каждый день, с одним мечом мне долго не протянуть. Что ж, нельзя сказать, что Беремир меня не предупреждал.

Кирши вздрогнул, будто бы что-то вспомнив, и быстрым движением снял с пояса кошель. Завертели монеты, и вместе с ними на ладонь его выпал золотой перстень Беремира.

— Я совсем о нём забыл. Мы встретились, и всё так завертелось. Когда тебя... — он осёкся и нахмурился, — хоронили, я снял его. Если честно, сам не знаю зачем, просто... наверное, хотел, чтобы у меня что-то осталось в... память о тебе.

Сердце Василисы замерло, когда Кирши протянул ей кольцо наставника. Рубин сиял в свете пламени, которое, казалось, горело прямо внутри него. Холодной тяжестью перстень лёг Василисе в руку. Перстень, который дарил ей уверенность и силы, отгонял страхи и сомнения, когда она оставалась совсем одна: в путешествии из Тригорской долины в Даргород, на заданиях Гвардии, по дороге к собственной смерти.

Василиса неуверенно покрутила перстень, будто не зная, с какой стороны к нему подступиться и что теперь с ним делать. В ней вдруг смешались наде-

56 жда и страх. Надежда на то, что, надев кольцо, она снова почувствует прилив сил и магия каким-то неведомым образом вернётся к ней. И страх того, что этого не случится.

Досчитав до десяти, с бешено колотящимся сердцем, Василиса быстро надела перстень на большой палец и сжала руку в кулак, будто кольцо могло сбежать с пальца.

Магия не вернулась, чуда не произошло, но на душе как будто стало немного спокойнее, а сердце замедлило ход, успокаиваясь, словно Василиса нашла и вернула на место маленький осколок прежней себя. Той, что осталась лежать на жертвенном алтаре.

— Всё в порядке? — спросил Кирши, внимательно наблюдая за ней.

Василиса улыбнулась, сжав губы. Глаза щипало. То ли от дыма, то ли от подступающих слёз.

— Угу, — кивнула она. — Всё хорошо. Спасибо тебе. За то, что забрал перстень, и за то, что нашёл меня.

Кирши провёл пальцами по шраму на брови Василисы, скользнул к шее, отодвинул пряди коротких, растрёпанных ветром волос и коснулся шрамов, похожих на сеть трещин, нити которых выныривали из-под одежды и тянулись к лицу. Кожа под его пальцами покрывалась мурашками, и Василиса боялась даже пошевелиться, чтобы не спугнуть их дрожащее тепло. Взгляд Кирши блуждал по её лицу, шее, виднеющимся из-под распахнутого плаща ключицам, возвращался к губам, ловил её взволнованный взгляд и начинал путь заново, словно стараясь разглядеть то, что пряталось глубже, под одеждой, под кожей, в самой её глубине.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось пройти весь этот путь совсем одной, — тихо сказал Кирши.

— Мне тоже, — пожала плечами Василиса, сдерживая слёзы. — Но я рада, что в итоге я не одна.

— Я... — начал было Кирши.

— Вы же в курсе, что у вас тут трупы горят? — расколол воздух ехидный голос Финиста. И Василиса с Кирши будто ошпаренные отпрянули друг от друга. — Боги, Василиса, да твоим возбуждением за версту разит! — Финист притворно скривился и помахал рукой, делая вид, что разгоняет неприятный запах. — И я ещё после этого грязное животное? Срам, да и только.

Василиса зарделась и отвернулась, а Финиста это только больше развеселило.

— И вот не надо теперь испытывать стыд, — продолжал он, ведя за собой двух жеребцов. — Думаешь, он тебя оправдает? Я же знаю, какой ты можешь быть необузданной и бесстыжей...

— Заткнись, — ровно и коротко сказал Кирши, но в голосе его и во взгляде читалась угроза.

Финист эту угрозу безошибочно считал, заискивающе улыбнулся и вскинул руки, сдаваясь.

— Всё-всё, умолкаю, — ответил он, повернулся к лошадям и пробормотал тише, но так, чтобы все слышали: — Смотрите, какие мы нежные. Творят беспредел они, а получает по шапке кто? Правильно, бедный Финист.

— Едем, — сказала Василиса, глядя на пламя, которое уже полностью захватило тела и вздымалось высоко к небу. — Пока зарево не привлекло дружков этих чернокнижников.

Собрав свои скромные пожитки, они вскочили в сёдла и поскакали прочь из заброшенной деревни. Отсвет жадного пламени ещё какое-то время освещал им путь.

7

СЕРЕБРЯНЫЕ ИГЛЫ И ВОЛЧЬИ СЛЁЗЫ

Первое превращение Атли в Волка произошло через несколько месяцев после его десятого дня рождения. Перекидываться в замке и его окрестностях Атли боялся. Тогда ему казалось, что если мать не будет видеть его в звериной ипостаси, то станет относиться как прежде, снова его полюбит и будет подпускать к себе, согревать в объятиях и целовать в лоб перед сном. Но Волк требовал свободы, и Атли завёл привычку выбираться в ближайший лес, где мог бегать целыми днями, играть в листве, гоняться за зайцами, греться на солнышке и плескаться в озере, довольный тем, как ловко обхитрил стражу. Позже, конечно, он узнал, что при каждой такой вылазке за ним издали приглядывали стражники из свиты Вегейра, но тогда пребывал в счастливом неведении.

Шли годы, любовь матери не возвращалась, а в жизни Атли появился Кирши. Боясь лишиться и его, Атли долгое время скрывал от друга свою звериную натуру, продолжая тайно выбираться в лес. И, как оказалось позже, не он один.

Это произошло прохладной летней ночью. Волк мчал Атли сквозь лесную чащу, к маленькому озеру, с которого открывался прекрасный вид на далёкие горы и полную луну, когда его нос уловил знакомый, за два года ставший родным, запах. Волк опустил морду в траву, принюхиваясь, и невольно завил хвостом. Так, не поднимая головы, он и шёл, пока не влез мордой в кусты, отпрянул, отряхнулся и выглянул из-за веток.

Нюх не обманул: на берегу озера сидел Кирши. Волк озадаченно моргнул. Как ему удалось выбрать-ся из замка? Отец наверняка разозлится, если узнает. Впрочем, клятва не позволила бы Кирши сбежать, может быть, поэтому он... Атли не заметил, как в раздумьях наступил на ветку. И та хрустнула, ломаясь.

Кирши вздрогнул и обернулся, напряжённо глядя-ся в тёмные заросли. Волк испуганно присел, задев мордой листву, и кусты задрожали.

«Вот бесы!» — внутренне поморщился Атли.

— Кто здесь? — спросил Кирши, кажется, готовый в любой миг вскочить и дать дёру.

Атли хотел тихонько ретироваться, но Волк вскинул уши, поднялся и сделал шаг вперёд.

«Нет, стой! Куда?» — одёрнул его Атли, но Волк не обратил на него внимания и осторожно выглянул из-за кустов, позволяя Кирши себя увидеть.

Лицо Тёмного вытянулось, глаза округлились, и он замер, боясь пошевелиться. Нюх Волка уловил кислый запах страха, и он остановился, не зная, можно ли приближаться. Ему отчего-то было очень любопытно, но Атли изо всех сил тянул его назад.

«Ты его пугаешь. Уходим!» — уговаривал он Волка, но тот стоял как вкопанный, разглядывая Кирши. Ему давно хотелось поглядеть на Кирши своими глазами, обнюхать с ног до головы своим носом

60 и понять, что же в нём такого особенного. Может быть, его вкусно съесть? Или с ним весело играть? Зачем он нужен Атли?

Кирши продолжал глядеть на Волка, а Волк — на Кирши. Шли минуты, и понемногу сердце Тёмного стало успокаиваться. Похоже, он поверил, что зверь не собирается нападать.

Волк нетерпеливо заурчал.

«Ладно, — сдался Атли, чувствуя, что пожалеет об этом. — Давай подойдём. Только веди себя хорошо».

Волк удовлетворённо вильнул хвостом и сделал несколько медленных шагов к озеру. Кирши снова напрягся, но запах страха притупился, а в глазах появилась тень любопытства.

А вот Атли страшно нервничал, и это раздражало Волка, отчего тот всё время дёргал ухом, словно отгоняя назойливую мошку. Когда между ними с Кирши осталось два волчьих шага, он вытянул шею и принюхался. Запах вроде обычный, ничего особенного, а вот сыр у Тёмного в руках пах гораздо интереснее — молодой козой. Волк облизнулся и уставился на еду. Кирши проследил за его взглядом.

— Хочешь? — спросил он неуверенно.

Волк склонил голову набок и снова облизнулся. Кирши отломил кусочек сыра и положил на раскрытую ладонь. Волк шумно принюхался.

«Есть из рук? Я что — дворовый пёс?» — пробурчал Атли, смущаясь.

Волку было всё равно, кем его считал Атли. Он сцапал кусок жирного, ароматного и очень вкусного сыра, проглотил не жуя и облизал протянутую руку.

«Эй, прекращай!»

— Фу, щекотно! — засмеялся Кирши, отдёрнул облизанную руку и принялся вытирать её о рубаху.

Атли замер. Он ещё ни разу не видел, чтобы Кирши улыбался.

«Ему понравилось? Ему понравилось! — воскликнул он. — Давай оближем его ещё раз!»

Волк фыркнул, повернулся мордой к озеру и сел, не собираясь ничего повторять.

— Ты откуда такой взялся? — спросил Кирши. — Никогда тебя тут не видел.

«Никогда? Так ты не в первый раз тут?» — подумал Атли.

Волк ничего не ответил. Кирши тоже больше ничего не говорил, молча доедал сыр и смотрел на воду, иногда подкидывая кусочки лакомства Волку. Так они просидели несколько часов, пока Кирши не замёрз и не отправился обратно в замок.

Так начались их странные встречи. Атли караулил ночные вылазки Кирши — обычно это происходило пару раз в месяц, — выжидал с полчаса и выбирался следом, перекидываясь в Волка. Они сидели вдвоём на берегу, глядя на луну. И во время этих коротких безмолвных встреч Атли чувствовал гораздо больше тепла и доверия, чем за сотни часов, проведённых им с Кирши в облике человека. Это одновременно печалило его и делало счастливым, и Атли с замиранием сердца ждал каждой новой вылазки. А ещё он чувствовал, что Кирши тоже их очень ждал.

— Сегодня мой день рождения, — в одну из осенних ночей Кирши нарушил молчание.

Волк ничего не ответил, а у Атли защемило сердце. Он понял наконец, отчего друг весь день был задумчив и печален.

— В этот день мама всегда пекла брусничный пирог, — продолжил Кирши и бросил в воду камешек. — Большущий — мы никогда не могли его съесть за один день. Тут, в замке, иногда тоже пекут брусничный пирог, но он совсем не такой на вкус. Каждый

62 раз ем его и не понимаю, почему он не такой. Это же просто пирог.

Голос Кирши задрожал, губы сжались. Он нахмурился и швырнул ещё один камень в воду.

— Я отлично помню запах пирога, помню его вкус. Он был очень сладкий, но я... — Кирши шумно выдохнул. — Я почти не помню её лица. Каждый раз я пытаюсь вспомнить её лицо... Почему я не могу вспомнить?

Кирши повернулся к Волку, будто надеялся, что у того был ответ. В его синих глазах не было слёз, только глубокая, тягучая печаль, которую никто не мог унять.

«Помоги ему, — взмолился Атли. — Прошу, помоги ему. Пожалуйста, пусть ему будет не так больно».

Волк подался вперёд и ткнулся лбом в грудь Кирши. Тот замер на мгновение, а потом вдруг протяжно вздохнул, обхватил мощную волчью шею и зарылся лицом в белую шерсть. Кирши не плакал, только тихонько скулил, как брошенный щенок. За него плакал Атли.

С тех пор их встречи стали для Атли ещё более настоящими и драгоценными, и он втайне надеялся, что они будут продолжаться вечно. Постепенно Кирши становился всё более и более разговорчивым, а Атли любил слушать его голос, и Волку он тоже нравился.

А потом наступил тот роковой день. День, когда Вегейр пытал Кирши на глазах Атли в попытке выведать его истинное имя. День, когда Атли впервые обратился в Волка на глазах друга. День, когда всё закончилось. Кирши ничего не сказал Атли, ни в чём не обвинял и не смотрел косо.

К озеру он больше не приходил.

— Рад видеть, что ты жив. — Вегейр появился в чертогах сна, разогнав дымку забытья Атли. — Выбирался дольше, чем я надеялся, но, пожалуй, и этот результат можно назвать успехом.

Атли не старался скрыть своего раздражения и уколол отца холодным взглядом:

— Убирайся из моей головы!

Вегейр вскинул брови, и шрам на его лице побелел.

— Это что, обида в твоём голосе? Уж не думал ли ты, что я брошусь тебя спасать?

— А разве не так делают отцы? — хмыкнул Атли.

Вегейр расхохотался, запрокинув голову, и этим вдруг напомнил Зорана. По спине Атли пробежал липкий холодок.

— Я вожак стаи, король Северных Земель и только потом отец, — отсмеявшись заговорил он. — А ты, Атли, будущий вожак стаи, наследник престола и только потом — мой сын. А вожак должен сам справляться с трудностями, чтобы доказать свою силу, иначе вожаком ему не быть.

Атли усмехнулся и спрятал лицо в ладони:

— Так ты решил устроить мне проверку? Достойный вожак или мёртвый щенок? И что? Ничего не дрогнуло, когда ты узнал, что я в плену? Или решил, что помру, так родишь нового?

Вегейр пожал плечами и погладил шрам:

— Дрогнуло или нет, не важно. Если бы ты умер, то да, пришлось бы подумать о новом наследнике. Тем более что договор с Радомиром меня больше не связывает, упокой Великий Волк его душу.

— Будто бы мама тебя к себе подпустила, — уколол Атли.

— А при чем здесь твоя мать? — хмыкнул Вегейр. — Старуха уже давно ни на что не годна. Но это не зна-

64 чит, что я хранил своё семя. Щенки на твоё место, поверь, найдутся.

У Атли свело зубы от отвращения. Он никогда не питал иллюзий о верности отца, но слушать о подобном не мог.

— Ты за этим пришёл? Рассказать, скольких шлюх обрюхатил?

Вегейр даже ухом не повёл.

— Пришёл убедиться, что с тобой всё в порядке, — невозмутимо сказал он. — Я проверял каждую ночь, с тех пор как узнал, что случилось в Даргороде, но не мог пробиться, решил, что тебя сковали серебром. Сегодня получилось, и я этому рад.

Атли в ответ только кивнул, глядя в сторону, — смотреть на отца ему не хотелось.

— Что ж, думаю, на этом можем попрощаться, — сказал Вегейр после недолгого молчания.

— Как мама? — вдруг спросил Атли, понимая, что другого шанса задать этот вопрос ему скорее всего не представится.

Вегейр пожал плечами:

— О тебе не спрашивала, если ты об этом. Я сказала ей, что ты в плену, но она всё по братишке убивается, будто не Радомир подложил её под «грязное северное чудище», — хохотнул он. — Молится Морене за его душу и просит, чтобы та и её поскорее забрала. Ещё вопросы?

Атли покачал головой:

— Нет, можем прощаться.

— Вот и славно. Кстати, поздравляю с новым украшением. — Вегейр коснулся своего шрама, кивнул Атли, ухмыльнулся в бороду и исчез.

Атли провёл рукой по неровной шершавой ложбинке, что одним широким росчерком спускалась по скуле и обрывалась у самого подбородка.

Атли открыл глаза и увидел мохнатые волчьи лапы. Должно быть, он так измучился, что обратился во сне. Золотое сознание Волка окутывало Атли и отгораживало от мира, защищая.

«Отдыхай. Я обо всём позабочусь». — Волк не мог говорить, но Атли безошибочно считывал его.

Они всё ещё были в темнице Аспида. Волк лежал на меховом плаще, положив голову на лапы, и ловил носом запахи. Сырость и плесень перебивали всё остальное, где-то неподалёку размеренно капала вода. Волк услышал шаги и вскинул голову.

В темницу вошёл Лель с деревянной плоской в руках. От него пахло варёной курицей. В животе у Волка заурчало, но он подобрался и насторожённо прижал уши.

Вслед за Лелем появилась лисица Мила. Она весело подскочила к Волку, а тот в ответ сморщил нос и клацнул зубами. Мила взвизгнула, припала к земле, прижала уши и забила хвостом, заискивающе глядя на Волка жёлтыми глазами и издавая тихие звуки, похожие на поскрипывание.

— Я принёс тебе поесть. — вкрадчиво сказал Лель, присел на корточки и поставил на пол плоску с разваренным мясом. Он избегал смотреть Волку в глаза.

Тот сглотнул слюну и угрожающе зарычал, показывая зубы.

— Я не причиню тебе зла. — Лель показал пустые ладони и медленно сел, скрестив ноги. На его запястье Атли заметил ряд крупных красных точек.

«Ты укусил его? Мы не кусаем друзей», — укоризненно заметил Атли.

А он разве друг? Волк напряжённо следил за каждым движением Леля. Атли содрогнулся, вспоминая события ночи. Вспоминая, как увидел Леля на пиру

66 чернокнижников, где его приветствовали наравне со всеми. Как он смотрел и молчал, пока пьяная толпа мучила Атли. Как глядел без жалости и сожаления, так, словно Атли ничего не значил.

Волк снова зарычал. Атли почувствовал, как их сплетённое сознание что-то кольнуло тонкой серебряной иглой и тут же исчезло.

— Я не мог помочь тебе иначе, — сказал Лель. — Мне нужно было подлить в мёд сонное зелье, не вызывая подозрений. Чтобы вытащить тебя...

«Ты что? Только что залез к нам в голову?» — Атли обомлел. Серебряная игла снова легонько кольнула.

— Я хочу всё объяснить. Просто хотел убедиться, что ты понимаешь...

«Убирайся из нашей головы!» — рявкнул Атли. Волк сорвался с места, повалил Леля на спину, придавил лапами и навис сверху, гневно рыча. Огромные клыки почти касались его лица. Мила испуганно заскулила.

— Я... прости, — выдавил Лель, судорожно пытаясь вдохнуть. Волк сильнее надавил ему на грудь. — Прости, я понял. Больше так... не буду... честно...

Волк презрительно выдохнул Лелю в лицо горячий воздух и убрал лапы. Отступил и лёг обратно на плащ, на всякий случай всё ещё не сводя с врага насторожённых глаз.

Лель сел, потирая грудь. А Атли с удивлением отметил, что от него совсем не пахло страхом.

— Прости, пожалуйста, — повторил Лель. — Я заглядывал в сознание медведя, то есть царевича Дарена. Это помогло усмирить его и вернуть ему человеческий облик. С ним всё хорошо, не волнуйся. Он хорошо поел и теперь отдыхает. А я подумал, вдруг тебе тоже нужна помощь.

«Мне не нужна помощь», — огрызнулся Атли, а Волк показал зубы.

— Понял, тебе помощи не нужно. — Лель улыбнулся, но тут же замахал руками: — И я сейчас не заглядывал в тебя, просто догадался! У тебя очень выразительная морда. Или правильнее говорить «у вас»? Я слышал, что у оборотней звериная ипостась и людская довольно сильно разделены, так что может даже казаться, что это разные существа. — Лель внимательно изучал взглядом Волка, а Волк — Леля.

«Что значит «может казаться»? Мы и есть разные», — фыркнул Атли, Волк тоже фыркнул.

— Но я, признаться честно, мало что сумел узнать о вас. Вы, оборотни севера, ревностно храните свои тайны. О том, что я знаю, мне рассказал один старый оборотень. Мы встретились, когда я путешествовал в поисках способа снять проклятие с Милы и снова превратить её в человека. Я тогда набрёл на поселение чернокнижников в Инежских горах. Тот оборотень — старик из Северных Земель — жил вместе с ними.

Лель испытующе взглянул на Волка, Атли недочерчиво сощурился. Что он несёт? Оборотень, который живёт вместе с чернокнижниками? Такого не могло быть. Всё равно что оборотню породниться с волколаком!

— Отсюда начинается моя история, Атли, — продолжил Лель, заправив за ухо прядь рыжих волос. — Я готов её рассказать. Готов ли ты выслушать?

Сознание Волка всколыхнулось, готовое укутать Атли и утащить в темноту, туда, где он не будет ни слышать, ни видеть окружающий мир, готовое защитить его от возможной боли. Но Атли, благодушно кивнув, ласково отстранил Волка.

«Давай послушаем его».

